

НРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ, ИЛИ ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

**ЧЕЛОВЕКОЗНА-
НИЕ: ИСТОРИЯ,
ТЕОРИЯ, МЕТОД**

Человек многомерен как космос. Нравственное измерение — пространство морали, где ценностная система координат определяет смысл его жизни. Об особенностях этого измерения размышляет директор Института философии РАН, академик **Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов**.

— Нравственное измерение человека — что это?

— Нравственность в человеке образует особый уровень, подчиняющийся своим собственным законам — нравственное измерение человека. Привычное представление состоит в том, что человек есть существо природное, физическое. У нас есть тело, которое имеет свои властные требования. Точно так же человек есть существо социальное, общественное. Он живет в определенном обществе, подчиняется каким-то традициям, обычаям. И разговор в основном идет вокруг того, как соотносится одно с другим: как биология человека соотносится с его социологией, как его физическая основа существования соотносится с социальными интересами. Но наряду с физическим и социальным измерениями человека существует еще одно — нравственное, или этическое измерение, которое составляет новый третий уровень человеческой природы.

У человека как бы три природы. Первая — это физическая природа, биология. Вторая — это социальная природа, которая определяется его отношением с другими людьми, характером общества и так далее. А третья

природа — это нравственная. Нравственная природа и задает истинный смысл человеческому существованию.

Физическая природа человека включает в себе некие недостатки, которые обязывают его перейти к социальной форме существования. Какие особенности человека принудили его выйти на исторический уровень существования, образовать общество и компенсировать через свою деятельность те недостатки, которые он имеет как природное существо — это спорный вопрос.

Социальная жизнь отличается от собственно природного существования тем, что она разворачивается в форме сознательной целесообразной деятельности. И само общество, общественная жизнь — это и есть формы, результаты целесообразной деятельности человека. Однако целесообразная деятельность человека тоже многогранна и противоречива. И есть в целесообразной деятельности человека некая ограниченность, которая требует выхода на новый уровень.

— В чем состоит эта ограниченность?

— Она состоит в том, что деятельность человека и, соответст-

А.А. Гусейнов

венно, его линия целесообразного поведения различны и могут входить в конфликт друг с другом. Требуется более прочная основа, которая бы гарантировала само единство существования человека в форме целесообразной деятельности. Этой гарантией является нравственность. Нравственность, которая выставляет в качестве условия самоцельность человека, как существа, способного к такой деятельности. То есть нравственность утверждает самоценность человека, его, если хотите, святость, неприкосновенность как условие для того, чтобы он мог существовать именно в этой форме целесообразной деятельности, чтобы он мог практиковать и культивировать свою жизнь в качестве общественного существа. И в этом смысле нравственность — это то, что задает смысл существованию человека как разумного существа. В этом назначение нравственности.

Такое понимание имеет свою традицию. Если брать европейскую культуру, то оно, может быть, впервые было в мифологической форме высказано Платоном. У него в диалоге «Протагор»

есть миф. Боги создали земных существ и расположили под землей. Прежде чем выпустить их на свет, поручили двум братьям, Прометею и Эпиметею, наделить этих существ разными способностями с тем, чтобы они могли освоиться на земле, закрепиться и существовать. Эпиметей распределил способности таким образом, чтобы каждое живое существо было жизнестойким. Если оно маленькое, то могло бы быстро бегать. Если оно должно было стать добычей хищника, то быстро размножалось бы. А если, скажем, оно медленно размножалось, то было бы крупным и так далее. То есть сделал так, чтобы существа взаимно уравнивали друг друга. Когда он эту работу заканчивал, пришел Прометей — посмотреть, как брат с этим справился. И увидел, что все получили что-то: одни приобрели шкуру, другие — когти, третьи научились летать. Осталось только одно обделенное существо — нагой человек. Все способности розданы и на его долю ничего не осталось. Что делать? Ведь таким он обречен на гибель. Вот в такой своеобразной форме, думаю, воспроизведена история эволюции, когда человек оказался перед вызовом природы, когда он не может существовать только в качестве биологического вида. И тогда Прометей решил исправить ошибку своего близорукого брата. Прометей, в переводе — «тот, кто видит вдаль, вперед». Он похитил у богов огонь и искусство Гефеста и Афины, а также научил человека говорить, обучил различным ремеслам — то есть своими усилиями, трудом добывать то, что ему не давала природа.

И все было бы ничего, если бы не одно обстоятельство: чтобы существовать, люди должны были собираться вместе, чтобы дополнять друг друга в разных видах

деятельности. Но собравшись вместе, они начинали ссориться. Разойдясь же, становились добычей хищников. Во всяком случае того, что они умели делать, было недостаточно. И вот Зевс приказал своему сыну Гермесу: “Введи среди людей стыд и правду”. Гермес согласился и задумался: “Хорошо. А как мне стыд и правду между людьми распределить? Так ли, как все другие способности?” А все другие способности распределены были выборочно. Если есть один кузнец, всем уметь ковать ни к чему. Есть гончар, другим горшки лепить не надо. Зевс ответил: “Нет, так нельзя. Надо, чтобы все имели стыд, и все были приобщены к правде. Если этого не будет, то не будет ничего”. Платон в такой мифологической форме утверждал, что если не будет стыда и правды, то есть, если деятельность людей не будет сдерживаться и ограничиваться моральными принципами, то существование человеческого общества невозможно.

Вот так дается представление о трех уровнях существования человека. Первый — это наша физическая природа. Второй — это наша социальная природа, благодаря которой мы можем обустроить весь наш искусственный мир. И над этими есть третья природа — нравственная, которая создает моральные ограничения для двух предыдущих и придает осмысленность нашей жизни. То есть, по крайней мере, запрещает людям убивать друг друга, таким образом обеспечивая условия жизнеспособности, дополняя друг друга через объединение усилий. И в этом смысле нравственность, конечно, отдельное самостоятельное измерение в человеке. Или отдельный самостоятельный уровень, который не выводится из предшествующих, у него есть свои основания и свои

источники. Ну, допустим, есть важные мотивы человеческой жизни. Есть богатство, есть власть, есть удовольствие. И конечно, люди много делают ради них. А есть какие-то вещи, которые человек ни за что не сделает. Ни за какие должности и ни за какие миллионы. Вот чем это определяется?

Это и есть то, что мы называем нравственностью. Некий последний бастион, который определяет нашу человеческую идентичность. В силу чего мы являемся людьми. В силу чего осознаем себя людьми, имеем человеческое достоинство, обладаем самоуважением и признанием ценности другого.

— Не кажется ли Вам, что современное общество, выбрав путь технологической модернизации, девальвирует ценности именно этого человеческого уровня, как будто старается воссоздать то противоречие, которое, казалось бы, Зевс своей волей снял? И теперь с помощью технологической мощи человек пытается преодолеть то, что не в его воле...

— Нет. То, что Зевс снял своей волей, это каждый человек тоже должен снимать своей волей. Или он может это, и тогда он есть человек. Или нет — и тогда, действительно, он попадает во власть всяких лжесущностных внешних вещей. Ведь урок, если он есть в таком бурном развитии и успехах цивилизации в последнее время, состоит в том, что, если вы увеличиваете скорость, то вы увеличиваете скорость, если умножаете богатство, вы умножаете богатство. Вы можете придать жизни необычайную комфортность. Но все это не меняет самого человека в его нравственной сути, которая имеет другой источник. И здесь нет движения извне вовнутрь.

— **Богатство можно приумножить, а можно ли приумножить нравственность? Или она представляет собой некую константу?**

— Я бы сказал, что это некая граница. Граница, переступив через которую, мы и входим в человеческое пространство, и становимся людьми. В этом смысле она, конечно, есть у всех людей, но выражена в разной степени, с разной остротой. И только поэтому мы можем существовать как люди.

— **А что является источником нравственной сути? Что питает совесть, правду?**

— Вы хотите вывести это из каких-то источников... Вы ниоткуда это не выведете. В том-то и дело. Это то, благодаря чему вы есть то, что вы есть. Это то, что делает вас именно человеком. Это то, в силу чего вы вообще есть как причина того, что вы делаете. Вы единственное ответственное лицо за то, что вы делаете. Вот это и есть нравственность. То есть сама постановка вопроса: “Откуда нравственность появляется?” — говорит о том, что вы низводите нравственность до уровня всех других явлений, где мы ищем причину, чтобы определить следствие. А нравственность начинается там, где вы разрываете этот причинный ряд, когда вы говорите: “Нет, я этого не сделаю ни за что!” Почему? Да потому что не сделаю и все. И вам не надо никаких причин для этого. Это зависит только от вас. И вот в той мере, в какой вы при этом проявляете волю, вы и выступаете в качестве нравственного существа.

— **То есть нравственный человек — это одинокий человек?**

— Человек вообще одинокое существо. И в этом смысле нравственный человек — тоже одинокий. Но в то же время именно в своей одинокости он есть существо универсальное. Он одинок в своем, я

бы сказал, своеволии. Когда он берет на себя весь груз ответственности за свою волю. Но при этом он и универсален. Почему? Потому что он исходит из каких-то идеальных соображений. Если он считает, что чего-то нельзя делать, то это означает, что он имеет представление о таком мире, где этого не должно быть. И благодаря существованию таких идеальных представлений он универсален.

— **А как можно отделить нравственность от безнравственности?**

— Свет сам себя отделяет от тьмы. Так же нравственность и безнравственность. Разве когда-нибудь возникал вопрос, где одно, а где другое? Проблема всегда состояла в другом. В том, что нам не хватало сил быть достаточно нравственными.

— **То есть по своей физической природе человек одинок, и его пребывание в социуме — попытка выхода из состояния одиночества. Но в нравственном измерении он опять возвращается к одиночеству?**

— Правильно. Но самое ужасное в следующем. По этому мифу, в принципе, войн быть не должно. Но человечество живет постоянно в состоянии войн либо больших, либо малых.

— **Почему тогда это возможно, если мы в равной степени наделены правдой? Ведь, казалось бы, в нравственном измерении должно царить взаимопонимание, так как, несмотря на физическое различие, мы равны друг другу по дару совести. Почему же человек постоянно “выпадает” из этого пространства и произвольно судит, что правильно, что неправильно, что добро, а что зло?**

— Да, каждый человек берет на себя ответственность и принимает решение делать так или иначе. Ведь что такое добро? Это

позитивность нашего поведения, это то, к чему мы стремимся. А зло — это негативность, это то, чего мы избегаем. И в этом смысле добро и зло — это координаты, в которые вписывается каждый человек, хочет он этого или нет. Он может ошибаться, выдавать одно за другое. Но он все равно вынужден жить и мыслить в этих координатах. И они обязывают его быть ответственным за свою жизнь. А если так, то ему нет дела до мнения других. Он совершает те или иные поступки, потому что считает их правильными, даже если другие ведут себя иначе. У Сократа было такое высказывание: лучше испытать несправедливость, чем совершить ее. Лучше быть убитым, чем убийцей. А почему? Потому что, если человек убил, он всю жизнь вынужден жить рядом с убийцей: он его в себе несет. И никуда от этого не деться. И в этом смысле моральное измерение — это высшее измерение в человеке, через которое он утверждает себя как ответственного субъекта, ответственного за свое собственное существование. Поэтому, когда люди враждуют или конкурируют друг с другом, они одновременно пытаются и нравственно дискредитировать друг друга. И войнам, которые ведут генералы, предшествуют войны, которые ведут идеологи для того, чтобы объявить противоположную сторону искидем зла. А что делать со злом? Его надо уничтожать, конечно.

Из всего этого вытекает вывод, что добро и зло — это именно самые глубинные измерения человеческого существования. И никто не может сказать, что есть добро, а что есть зло, кроме самого человека, который действует. И в этих категориях нельзя оценивать окружающий мир. Мы только себя должны в этих категориях оцени-

вать. Потому что это характеристика, которая выделяет человека так, как если бы он был Богом. Как если бы он по отношению к самому себе был Богом. Он сам принимает решение, что правильно, что неправильно. Он несет за это ответственность. И именно то, какие он принимает решения и какие предписывает себе поступки, какую выбирает себе линию поведения, вот тем самым он и реализует свои представления о мире и других людях.

— А эти категории, добра и зла, они трансформируются? И если да, всегда ли понятно, как?

— Я не сказал, что мы не знаем, что есть добро и что есть зло. Если бы мы не знали, что есть добро и зло, мы бы не могли существовать и действовать. В том-то и дело: когда вы существуете, действуете, принимаете одно решение, а не другое, значит, вы все-таки делаете какой-то выбор, и знаете, что есть добро, а что есть зло. Я хотел только сказать, что никто не имеет права узурпировать это право: судить о том, что есть добро, а что есть зло. Больше того, я считаю, что добро существует даже в некоем абсолютном смысле.

— А в чем этот абсолютный смысл?

— Я считаю, что убивать — это всегда есть зло в абсолютном смысле. Во имя чего бы ни говорили, это всегда есть зло. И не может не быть злом изначально. Если вы начинаете убивать, то вы уже саму мораль убили, потому что ведь мораль, она утверждает человека именно как ответственное существо, которое нельзя убивать. В этом же вся проблема. И что хотел сделать ясным тот же Зевс, введя стыд и правду? Что нельзя убивать. Но это должно быть реализовано не просто через организацию внешней среды или

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

пользу, или еще что-то, но как некий закон, установка каждого человека.

— Но человек так изощрен, что он может убивать себе подобных не прямо, физически, а опосредованно. Например, убивая природу. Или мешая реализации другого, подменив его индивидуальную цель своей собственной через манипуляцию или как-то еще...

— Более того: человек — существо очень хитрое — он свое зло за добро выдает. И всегда говорит, что он “добро” делает самым лучшим образом. И убивает всегда ради чего-то, доказывая, что это хорошо и правильно. Например, даже влюбленный может не осознавать, что препятствует самореализации партнера, потому что у него иной взгляд на этого человека. Собственно говоря, мы как нравственные существа проявляемся, отказываясь от чего-то, а не в тот момент, когда про себя думаем, какие мы хорошие. И если есть моральное начало, то уже всего остального не должно быть. А почему же всего остального не должно быть?!

— Почему тогда вообще возможны нравственные ошибки? Физики и математики говорят об измерениях, которые нам не даны в ощущениях, но которые тем не менее существуют. Если есть нравственное измерение, и нам, по Платону, совесть и правда даны поровну, почему тогда мы делаем ошибки в момент наших действий? И только потом, постскриптумом, их осознаем? Это просто такой принцип отставания этого измерения?

— Вот когда мы вот так вот рассуждаем, то что имеем в виду под совестью, под правдой? Это что значит? Мы хотим понять нравственность как любой объект, который подлежит познанию.

Чтобы его можно было пощупать или измерить. Но я считаю, что такой подход к нравственности является неправильным. Нравственность — это некая изначальная основа, если хотите, сама система координат, которая задается, в силу которой человек может вообще существовать как разумное существо. Эта система координат обнаруживает абсолютность в неких запретах. Абсолютные запреты — вот то, в чем нравственность обнаруживает себя в чистом виде. А за этими пределами она оказывается уже обусловленной качеством, добротностью того дела, которое человек делает. Она оказывается как бы дополнительным усилителем прочих человеческих мотивов.

А сама по себе, если бы ее найти в чистом виде — где нравственность себя обнаруживает? Она обнаруживает себя именно тогда, когда человек принимает для себя какие-то абсолютные запреты. Каждый отдельный человек и все люди вместе. Такие запреты записаны в кодексах. И с разной степенью последовательности и полноты они принимаются отдельными индивидами. Тот факт, что они есть и человек ограничивает свою деятельность этими запретами, характеризует его как нравственное существо. То есть человек более нравственный не в том, что он делает, а в том, чего он не делает.

— А если в этих запретах акцентируются только целесообразность и зависимость от характера деятельности — не означает ли это нравственный коллапс?

— Почему? Если это нравственные запреты — это абсолютные запреты. Вот я сказал: убивать — всегда плохо. И если взять какие-то другие формы нравственных отношений, не так жестко, как в этом случае, они тоже опи-

сываются абсолютными запретами. Допустим, дружба. Можно долго спорить, что это такое, но все понимают: дружба — это когда не предадут и не совершают подлости. Так и любая другая форма человеческих отношений. Любое качество состояния имеет свои ограничения. И все, что составляет область человеческих нравов и обычаев, конечно, тоже имеет свои ограничения. В этом смысле можно сказать: мораль есть некий способ ограничивать свою жизнедеятельность. То есть сдерживать себя. Именно сдерживать себя, исходя из каких-то собственно человеческих канонов. Из тех канонов, которые считаешь человеческими.

— Вопрос нравственности часто связан с ценностями. Эрих Фромм в работе “Революция надежды” утверждал, что все человеческие ценности существуют одновременно и в одном пространстве. Чем тогда регламентируется ценностный выбор человека?

— Мораль — это вещь, которую не выбирают. Ее нельзя выбирать. Это то, в силу чего вообще существует сам выбор. Что касается ценностей, то уже название “ценность” говорит о высокой значимости чего-то. Но разные ценности могут сталкиваться между собой. Например, здоровье — ценность, и человек многое способен сделать, чтобы быть здоровым. Но в каких-то случаях эта ценность может вступить в конфликт, скажем, с профессиональным долгом. И тут надо выбирать. То есть образуется какая-то иерархия ценностей. И она может расти, так как даже такой выбор, здоровье или карьера, бывает подвластен иным ценностям.

Это будет зависеть еще от того, каков общий смысл человеческой жизни. Некая осмысленность ее, которая и задает нравственную

определенность. Это тоже нелегко понять. Лев Толстой говорил, что человек может жить или для себя, или для общества, или для Бога. И жизнь для себя и для общества приравнивал между собой, выделяя жизнь для Бога — в зависимости от того, как направлен жизненный вектор. В том пункте, где человек может выбирать, он и является нравственным существом. И выбирая здоровье, допустим, или профессиональный долг, реализуешь себя именно в качестве морального человека.

— Если нравственность — уровень понимания и ощущения человеком морали в обществе и в самом себе, если каждый из нас нравственен в силу прорыва в это измерение, тогда как определить насколько нравственно или безнравственно общество? Или все разговоры об этом теряют смысл?..

— Но согласитесь, общество было бы намного лучше и здоровее, если бы в нем поменьше об этом говорили! Ведь когда так говорят, что имеют в виду? Вот у конкретного индивида, якобы, все нормально, а в обществе — там все как-то плохо. Или, допустим, у кого-то другого. Когда человек так рассуждает, кем он себя считает, чтобы так судить?.. А между прочим, один из безошибочных критериев моральности того или иного человека и состоит в том, что он никогда не берет на себя роль судьи. Ведь чем отличается моральный человек? Сознанием того, что он недостаточно морален. Посмотрите исповеди Августина, Толстого, Руссо или каких-нибудь святых. Чем они полны? Люди бесконечно каются в своих грехах, а не судят: этот безнравственный, тот безнравственный... И это один из показателей, если мы хотим измерять нравственность общества, именно он позволит ее измерить. То есть

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

не надо говорить о нравственности, если она есть. Вот когда ее не хватает, тогда и возникают разговоры об этом. Или они возникают не потому, что ее нет или мало, или не того качества, а что именно у говорящего ее недостаточно или не такого качества. Мысль моя простая: нет людей, которые уполномочены говорить от имени нравственности. Вот врач есть, он знает свое дело и потому судит о болезни. А от имени морали нет людей, которые уполномочены выносить приговоры. Кто уполномочен?.. Вы сами и есть свой судья. Поэтому одна максима морали: именно себя надо судить, на себя брать вину. А склонность судить и говорить от имени морали — нравственный дефект. И я считаю, что многие недоразумения возникают именно из нежелания понять, что нравственность — это глубинно-интимная структура человеческой личности, благодаря которой он может называться человеком и выстраивать свою жизнь.

— Меняется ли мораль?

— На рынок ее не вынести! На рынок выносят то, что можно обменять на что-то. А мораль ни на что не обменять. С этого она и начинается. Когда приходишь до такого предела, где есть то, что обменять нельзя, значит, тут она и срывается.

— То есть ни обменяться ею, ни поделиться, ни прирастить ее, ни уменьшить нельзя?

— Передать другому ее невозможно. Можно попросить: “Пожалуйста, помогите: передайте этому человеку эту вещь”. Но я не могу вас попросить, чтобы вы заменили меня в качестве друга в общении с ним. Это бессмысленно. Так и мораль. Она не подлежит обмену. На что вы будете ее обменивать?

А что касается прирастить: она все время приращивается по

мере осознания того, насколько ты далек от нее. И приращивается именно в таком своеобразном виде. То есть чем выше ты в моральном отношении, тем глубже ты понимаешь свое несовершенство. В этом смысле парадоксально, но она приращивается. Конечно, это не такая вещь, которую можно каким-то образом подкормить или улучшить внешне, или воздействовать как-то еще. Можно сказать: “Я это сделал”. Кто это “я”? То, в силу чего мы можем говорить: “Я сделал” — вот это и есть нравственность. В силу нравственности мы можем это говорить. Но никогда до этого “я” не дойдем. Где оно, это “я”?

— В древнеиндийской философии есть способ поиска “я”, когда становится ясно, что это не имеет никакого отношения к тому, чем обладаешь, включая чувства и мысли...

— Этого никогда не найдешь! И даже если решил, что нашел, кого ты нашел? Он уже другой, тот, который нашел. Думаешь, что “я” в конце поиска. А оно — в начале. Хочешь найти, кто “я”, который это сделал, а на деле тот, кто это сделал, это и есть “я”.

— Практические психологи призывают нас жить только в настоящий момент, здесь и сейчас, “не застревая” ни в прошлом, ни в будущем. У нравственности есть время?

— А у жизни есть время?..

— Если верить биологам, есть.

— В том-то и дело, что у нравственности свое отношение ко времени. Вот есть такой феномен — раскаяние. В чем смысл раскаяния? В том, чтобы не дать какому-то событию, которого, с твоей точки зрения, не должно было случиться, но которое случилось, забыть, чтобы оно не кануло в Лету, чтобы оно все время находилось в актуальном со-

стоянии: напоминало тебе, что ты это совершил и еще можешь совершить, но что этого не надо делать. В этом же смысл раскаяния. То есть, здесь некое событие, которое случилось, и в физическом смысле ты с ним ничего уже не можешь сделать, но в нравственном смысле ты его хочешь отменить. Отменить, чтобы оно не стало причиной, которая порождает ужасные следствия. В физическом смысле оно остается, а в нравственном включается этот специфический механизм. Так что если нравственность существует, то можно и о времени говорить... Вот идеи живут во времени, но и время мы определяем по идеям, не так ли? В этом смысле, если нравственность — это форма существования человека как разумного существа, особый фактор, который определяет индивидуально ответственный характер его существования от рождения до смерти, то можно говорить о том, что детство оставляет свой нравственный отпечаток, и зрелый возраст, и старость.

— Вы говорили о том, что нравственность начинается тогда, когда человек что-то не может себе позволить. Но иногда человек не делает чего-то, потому что считает, что так нельзя, а ему говорит: “Ты отстал от жизни!”. То есть его воспринимают не как человека нравственного, а в лучшем случае как ретрограда.

— Когда ты ни за что чего-то не сделаешь — это такой предельный случай, где нравственность себя ясно обнаруживает — тогда понимаешь, что это нечто очень реальное и автономно существующее. Элементарная вещь: иметь десять рублей лучше, чем рубль, а миллион — чем тысячу рублей. Вопрос в том, на что ты не можешь пойти, что-

бы их иметь. А если тебя назвали ретроградом, ничего страшного. И причем тут нравственность? И ретроград может быть порядочным человеком, и прогрессист — подлецом. Это же разные вещи.

— Значит, в измерении нравственном нельзя руководствоваться ориентирами измерения социального?

— Конечно, нравственность в значительной и даже в решающей мере обнаруживает себя в противостоянии социальному. Альберт Швейцер говорил, что она даже кончается, когда поручается государством. Ведь что такое социальная жизнь? Она задает нам определенные каноны, стандарты, функциональные обязанности и тому подобное. Ты как бы не принадлежишь себе. Да, в каждой эпохе свои привычки, и мы дети эпохи. А нравственность — это пространство, где ты себе принадлежишь и сам принимаешь решения. И если человек не может противостоять социальному давлению или каким-то другим социальным факторам, то он капитулирует как нравственное существо. Зачем нужна нравственность, если все функционально определяется, если все отлично можно рационально организовать и проконтролировать?

У нравственности направленность другого рода: она не извне, она изнутри. Когда все социальные влияния, от которых никуда не деться точно так же, как от каких-то физических потребностей — когда все это суммируется, тогда нравственность очень важна, чтобы человек принял решение, потому что совесть подсказывает: это можно, а это нельзя. Ведь одно дело, если человек совершил ошибку, и совсем другое — если сделал подлость. С ретроградом можно дружить. А с подлецом?.. Не все, конечно,

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

может мораль, и не все можно с ее помощью объяснить, но оправдание ее существования в совокупности факторов человеческой жизни, в пределах культуры состоит именно в том, что здесь фиксируется самостояние человека, его индивидуальная ответственность, способ существования. Можно, например, выкладываться на работе, но в какой-то принципиальный момент все это послать к черту! Что-то ведь понуждает поступить именно так, когда дело дойдет до крайней точки.

— Мужество, которое тоже является моральной категорией?

— Естественно. Мораль — это и есть всегда какое-то мужество. Мужество жизни — это, конечно, мораль. А как же иначе? Мужество — очень важная категория. Как и мудрость, умеренность, щедрость... Это моральные достоинства. Эти категории существуют в разных проекциях, но описывают именно то, что является моралью.

— Наверное, в какое-то время актуальны одни категории, в какое-то — другие?

— Конечно, всегда есть акценты. Но понимаете, мораль — это очень трудный предмет. Вот в обществе есть экономика, есть искусство, есть много всего, а морали нет. Где она? Допустим, какие-то поступки моральны, а какие-то аморальны — но можно ли дать такой абсолютный набор? Опять приходим к той же мысли: мораль не какая-то внешне заданная форма существования, которая и контролируется соответственно внешне заданными средствами, а это именно определенный внутренний стержень, который делает нас людьми ответственными — за свои слова, за свои действия, за свою жизнь.

— Есть понятие человеческой миссии. Сейчас тенденция

такова: не надо миссии, нужна функция. Необходимо что-то сделать — и делай без всякой миссии...

— Не знаю, правильное ли это слово. Но, конечно, какое-то значение у человека есть. По крайней мере, он должен быть человеком. И это много значит.

— Сегодня в коммуникативных системах мощно реализуется концепция *homo ludens*, человека играющего. Хейзинга предложил эту идею в начале прошлого века, а теперь *homo ludens* представляют как некую ипостась существования человека подобно *homo faber* или *homo sapiens*. *Homo ludens* — человек свободный от нравственности, потому что зачем нравственность, если постоянно играешь, отыгрываешь или проигрываешь что-то, и все как-то не всерьез. Играй — и это будет твоя жизнь. Но разве игра не отличается от жизни?

— Вы говорите: ты играй, правильно? А кто этот “ты”? Кто должен играть? И кошка играет... И потом: ты играй — значит, или ты играешь, или игра тобой играет?..

— А нравственность может быть игрой?

— Как это нравственность может быть игрой? Игра есть игра, это совсем другая категория. Она сопоставляется, возможно, с трудом, с принуждением, с тяжестью или одностонностью жизни... Поэтому, конечно, игровое начало очень сильно в жизни.

— Игра — действительно, полная свобода? Или это заблуждение?

— Как игра может быть равна свободе? Конечно, если у человека есть досуг, достаточно средств, он выбирает: играть или не играть...

— Имеется в виду, ты можешь играть, как угодно, а по-

том взять и переиграть. Ты живешь, как играешь, без каких-либо раскаяний. Адепты практической психологии советуют не только не раскаиваться, а даже не извиняться.

— Конечно, компьютерные возможности заставляют по-новому взглянуть на игру воображения. Ведь человек никогда не знает точно, что ему придет в голову... Теперь воображаемое можно вынести в виртуальное пространство. Скажем, в состоянии крайнего раздражения подумал: “Прибил бы!” — а сейчас ты это виртуально реализуешь. Вопрос в том, что это означает для самого человека, как это встраивается в его существование и его отношения. Для человека очень важно: что в его голове на уровне намерений, замыслов. Мало ли какие черти там могут поселиться? Это одно. А вот когда человек принимает решение и делает что-то — это другое. В том и сила нравственности, что она отличает одно от другого.

— Изживаются ли эти “черти” в игре, или ты приобретаешь навык сосуществования с ними?

— В нравственном измерении предполагается, что ответ на этот вопрос должен дать сам человек. Есть же люди, которые прожигают свою жизнь. Но это делают они сами, это их моральный выбор.

— Тут еще один вопрос: можно рассматривать это как искушение и не позволять себе этого, а можно — как испытание, через которое надо пройти. Почему совесть одним позволяет считать правдой одно, а другим — другое?

— А я не знаю, думают другие так или нет. В нравственном про-

странстве мы только про себя можем сказать, как мы думаем. И почему вы считаете, что одни думают именно так, а другие нет?

— Когда видишь, что два человека делают одно и то же, а потом кто-то раскаивается, а кто-то — нет, возникает именно такое впечатление...

— В жизни так бывает. Надо посмотреть на третьего человека — на самого себя, вот и все. Люди разные — и хорошо, что это так. Их поведение задается содержанием их внутреннего пространства человечности. Если бы это задавалось внешним образом, они бы одинаково делали. Но была бы эта внешняя правда для их совести правдой?

— Разве у нас разная правда и разная совесть? Думаешь: и этот — человек, и тот, и третий, и я тоже... Кто же из нас — не человек?

— Кто человек, кто не человек, не определяется увлечением игрой или какой-то житейской ситуацией. Это все-таки очень большое и ответственное определение. Нравственный человек один, потому что он должен сам перед собой отвечать, потому что и винить он никого не может, кроме себя. У него, бедного, нет никого, кроме себя самого.

Особенность нравственного человека в том, что он ничем не распоряжается, только собой, зато это он может делать свободно. Именно так он и реализует свой человеческий замысел. Как он собой распоряжается, так он и на других влияет, таким он и является и таким делает мир.

Беседу вела Н. ЛАЗУТОВА